

На правах рукописи

Старыгина Галина Михайловна

**«ИСТОРИЯ СИБИРИ» Г.Ф. МИЛЛЕРА
КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
(ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Томск – 2004

Работа выполнена на кафедре русского языка
Томского государственного университета

Научный руководитель кандидат филологических наук
профессор Людмила Андреевна Захарова

Официальные оппоненты доктор филологических наук
профессор Леонид Григорьевич Панин

кандидат филологических наук
доцент Маргарита Петровна Алексеева

Ведущая организация Красноярский государственный
педагогический университет

Защита состоится 16 февраля 2005 г. в 12 ч. 30 мин. на заседании диссертационного совета
Д. 212.267.05 при Томском государственном университете по адресу: 634050 г. Томск, пр.
Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного
университета

Автореферат разослан 17 января 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
профессор

Л.А. Захарова

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Настоящая работа, выполненная в русле лингвистического источниковедения (ЛИ), представляет собой источниковедческий анализ языка памятников деловой письменности XVII в., собранных немецким ученым Г.Ф. Миллером в двухтомном сочинении под названием «История Сибири». В ходе анализа раскрывается лингвистическая содержательность документов, определяется их научная ценность для языковедческих исследований в области исторической лексикологии.

Документы деловой письменности относятся к числу постоянно и пристально изучаемых. Язык памятников старорусского периода исследовали С.С. Волков, А.Н. Качалкин, И.А. Королева, С.А. Мартыанова, Б.И. Осипов, В.И. Собинникова, М.А. Соколова и др. Особенности языка севернорусских письменных источников изучали И.А. Елизаровский, В.Я. Дерягин, Л.Ф. Копосов, Г.В. Судаков, Ю.И. Чайкина и др. Памятники южнорусского происхождения были исследованы Е.Н. Борисовой, С.И. Котковым, Н.С. Котковой, В.И. Хитровой и др. В качестве лингвистических источников рассматривались такие жанры деловой письменности XVI – XVIII в., как челобитные (С.С. Волков, Л.Э. Комарова, А.П. Майоров, Н.Е. Садыклы), сельскохозяйственные и хозяйственные книги (Л.Ю. Астахина и А.В. Волынская), поручные записи (И.Б. Токмачева), десяти (В.В. Юрасова), русская хроника (А.Ю. Мазилова), записные кабальные и переписные книги (Е.И. Зиновьева и И.Н. Попова), таможенные документы (О.В. Баракова, Н.С. Коткова, И.А. Малышева, В.В. Палагина), отказные книги и грамоты (С.И. Котков, Т.Ф. Ващенко).

Важность обращения к материалам деловой письменности диктуется не только необходимостью расширения источниковедческой базы исследований. Привлечение новых источников может содействовать решению таких проблем в области истории языка, как выявление степени участия живой народно-разговорной речи в формировании языка русской нации, уточнение процессов образования литературного языка, изучение диалектной дифференциации русского языка в начальный период его становления и др. Кроме того, изучение новых материалов деловой письменности XVII в. приближает перспективу воссоздания полной картины состояния словарного состава языка в определенные периоды его развития.

В связи с этим появление новых работ по ЛИ является актуальным и способствует его дальнейшему теоретическому становлению как самостоятельной филологической отрасли знаний.

В настоящее время в обществе заметно оживился интерес к ценностям традиционных культур наций и этносов России. Он вызван не только противодействием быстрому разрушению народных традиций, но и желанием создать полную историю российского государства, которая невозможна без привлечения региональных материалов разных территорий страны. Сибирский край имеет богатую историю заселения и освоения. Поэтому лингвистическое изучение письменных памятников прошлых эпох, в которых эта история зафиксирована, имеет первостепенное значение для сохранения национальной самобытности русского народа. На ценность такого рода источников указывают исследователи памятников сибирской деловой письменности (О.В. Борхвальдт, Н.Н. Бражникова, Л.М. Городилова, Л.А. Захарова, Л.А. Инютина, Н.В. Кипчатова, Л.М. Любимова, О.А. Любимова, С.Э. Мазо, В.В. Палагина, Л.Г. Панин, Е.Н. Полякова, Н.Е. Попова, О.Г. Порохова, Г.Н. Старикова, Т.А. Шакурская, Л.И. Шелепова, О.Г. Щитова, Г.А. Якубайлик и др.). Историческая и социальная информация, зафиксированная в памятниках деловой письменности XVII в. (ПДП), собранных Г.Ф. Миллером в «Истории Сибири», позволяет говорить о них как о документах эпохи, представляющих собой обширное культурно-историческое наследие.

Итак, актуальность предпринятого исследования определяется его лингвоисторическим направлением, способностью существенно расширить источниковедческую базу истории русского языка посредством введения в научный оборот региональных материалов, обладающих лингвистической и культурно-исторической ценностями.

Цель исследования: установить информативные возможности памятников деловой письменности XVII в. как источника исторической лексикологии.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) осуществить внешнюю и внутреннюю критику источника; 2) провести верификацию данных печатного источника, сопоставив их с материалами Российского государственного архива древних актов; 3) установить лексический состав документов, представить его тематическую и частеречную классификации; 4) проанализировать отдельные лексико-семантические группы (ЛСГ) слов, изучить характер системных отношений между компонентами этих объединений; 5) выявить информативные возможности источника для изучения народно-разговорной лексики языка XVII в.

Объектом настоящего исследования выступают 587 документов различного жанра делового письма XVII в. (грамоты, памяти, челобитные, отписки и др.), собранные Г.Ф. Миллером в «Истории Сибири». Предметом исследования является лексическая содержательность памятников, описание которой проводится на основе анализа словарного состава источника. Всего в лексической картотеке, составленной по документам, насчитывается около 4-х тысяч слов, среди которых 1500 имен существительных, 960 имен прилагательных, около 1200 глаголов и глагольных форм, 164 наречия. Изучение лексики проводилось по материалам этих частей речи.

Для семантизации лексических единиц (ЛЕ) в качестве дополнительных источников используются различные словари, в первую очередь, известные исторические: «Словарь русского языка XI – XVII вв.» под ред. Г.А. Богатовой, «Словарь русского языка XVIII в.» под ред. Ю.С. Сорокина, «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам XI – XIV вв.» И.И. Срезневского, «Материалы для терминологического словаря древней России» Г.Е. Кочина и др. Привлекаются также лексикографические издания, в которых собран ценный лексический материал по сибирскому региону: «Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII в.» [Цомакион Н.А., 1971]; «Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.» [Панин Л.Г., 1991]; «Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII вв.» [Палагина В.В., Захарова Л.А., Старикова Г.Н., 2002]. Для сопоставления языковых фактов источника с данными памятников других эпох и регионов русского государства используются работы отдельных исследователей, диалектные материалы.

Научная новизна работы. Документы Г.Ф. Миллера неоднократно использовались историками (А.И. Андреев, С.В. Бахрушин, Л.П. Белковец, В.Г. Мирзоев, Д.Я. Резун, А.Х. Элерт и др.), лингвистами для изучения отдельных языковых явлений эпохи (Л.А. Захарова, С.Э. Мазо, В.В. Палагина, Л.Г. Панин, Н.Е. Попова, Г.Н. Старикова, Е.Н. Трегубова и др.). Кроме того, материал названных документов выступает в качестве контекстов словарных статей самого авторитетного на сегодняшний день лексикографического труда о русском языке прошлых эпох «Словаря русского языка XI – XVII вв.». Однако комплексное исследование источника в лексикологическом аспекте проводится впервые. Также в диссертации впервые: 1) уточнен и описан один из приемов методики лингвоисториковедческого анализа – прием верификации данных печатного источника; 2) установлено словарное богатство анализируемых памятников, определены значения некоторых слов, рассмотрены системные отношения ЛЕ в ЛСГ; 3) с помощью методики, разработанной представителями Томской лингвистической школы, выявлен состав народно-разговорной лексики языка XVII в; 4) в научный оборот введены лексикографически не зафиксированные единицы, описана их семантическая структура.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в развитие теории ЛИ. Приемы проведенного источниковедческого анализа дополняют сложившуюся практику критики лингвистических источников и могут ориентировать исследователей в изучении документов актовой письменности других жанров. Результаты исследования лексического материала памятников (данные о семантике слов, их стилевой принадлежности, ареале) могут быть учтены при создании обобщающего труда по исторической лексикологии русского языка. Содержащаяся в ПДП XVII в. информация представляет интерес также для историков, этнографов, специалистов, изучающих ре-

гиональную историю и культуру. Выводы и наблюдения, полученные в диссертационном сочинении, могут быть использованы: 1) в лексикографической практике при составлении словарей памятников письменности других территорий; 2) в учебно-педагогической деятельности при разработке вузовских курсов исторической грамматики русского языка и истории русского литературного языка; 3) в проведении спецкурсов и семинаров, посвященных проблемам исторической лексикологии, ЛИ, русской ономастики, лингвокраеведения.

Основной метод, используемый в настоящей работе, – лингвоисточниковедческий, несколько этапов которого представляют собой движение исследователя от внешней к внутренней критике источника. Наряду с лингвоисточниковедческим в работе используются общелингвистические методы: научного описания, сопоставительный и лексикографический.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и 4 приложений.

Апробация работы. Основные положения работы были представлены на научно-студенческих конференциях АмГУ (Благовещенск, 2000; 2003), на Региональных конференциях молодых ученых (Томск, 2000 – 2004), на Всероссийской междисциплинарной школе молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука» (Томск, 2001), на 39 Международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2002).

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, формулируются цели и задачи, выделяется объект и предмет изучения, отмечаются новизна, теоретическое и практическое значение полученных результатов, определяется методологическая основа работы, рассматривается история ЛИ, указываются основные направления в его развитии на современном этапе.

Зарождение и дальнейшее становление ЛИ связано прежде всего с именами таких исследователей, как С.И. Котков, Г.А. Богатова, Л.Ю. Астахина, Л.П. Жуковская, Н.С. Коткова, О.С. Мжельская, Л.М. Городилова, Г.А. Христосенко, И.А. Мальшева, Л.И. Шелепова и др. Выход лингвистической науки на качественно иной уровень повлек за собой появление новых, высокоинформативных типов источников. Дифференциация теоретического и практического направлений, наблюдаемая внутри современного ЛИ, ориентирована на выявление информативных возможностей источников для исследования проблем применительно не только к истории языка, но и к другим областям языкознания. В соответствии с этим сегодня можно говорить о новых принципах лингвоисточниковедческого анализа, в котором происходит синтез (сплав) собственно источниковедческого и собственно лингвистического подходов [Шелепова Л.И., 1999, с.56]. Несмотря на расширение круга изучаемых источников (показания метаязыкового сознания, современные печатные издания, язык фольклора, художественные тексты, разные типы словарей), внимание лингвистов в большей степени остается направленным на исследование памятников письменности, позволяющих дополнить наши знания и представления о системе русского языка, существовавшей на ранних этапах его развития.

Во введении рассматривается внешняя критика источника, где дается характеристика сферы научных интересов Г.Ф. Миллера как одного из известных деятелей века Просвещения, раскрывается методика, которую использовал ученый при сборе архивных источников. Краткий обзор содержания «Истории Сибири» сопровождается оценками этого произведения историографами XVIII – XX вв. Исследуемые нами ПДП XVII в. оформлены в виде приложений к двухтомному печатному изданию «Истории Сибири» [М.-Л.: АН, 1937; 1941 гг. – 1-ое изд-е]. Поскольку свой фундаментальный труд Г.Ф. Миллер создавал на немецком языке, то на начальном этапе лингвоисточниковедческого анализа перед нами встали вопросы о том, какого характера документы (копии или подлинники) представлены в печатном издании и каким языком они первоначально были написаны. С целью поиска ответов на поставленные вопросы мы провели верификацию этих документов с материалами фондов РГАДА в Москве. Результаты проведенной верификации позволили сделать следующие выводы: тек-

сты приложений печатного источника представляют собой подлинники царских и местных канцелярских учреждений Сибири XVII в., собранные Г.Ф. Миллером во время его десятилетней экспедиции по Сибирскому краю. Они идентичны документам архива, но переданы средствами современной графики, и могут рассматриваться в качестве лингвистического источника.

Первая и вторая главы работы представляют собой внутреннюю критику источника с точки зрения его лексической содержательности.

Первая глава «Памятники деловой письменности XVII в. как лексикологический источник» состоит из 4-х разделов. Разделы 1.1 – 1.3. содержат теоретическую часть, представляющую собой описание степени изученности лексики сибирских ПДП, и изложение основных положений, которых придерживается автор данной работы при исследовании словарного состава источника.

В разделе работы 1.4. представлена тематическая классификация словарного состава ПДП XVII в. Картина общественно-исторических процессов, происходивших в тот период на территории Сибирского края, определила тематику лексики изучаемых документов. Например, необходимость защищать освоенные территории от набегов татар, калмыков обусловило тщательную фиксацию военных событий и достаточно широкое отражение в текстах памятников названий военных действий *вылазка, осада, приступ, рассылки, поход; драться, воеваться, проведывать* ‘разведывать’, *сбираться, ударить* ‘напасть’, *приступать* ‘атаковать’, *сойти* ‘настигнуть’, *промышлять* ‘вести боевые действия’ и др., различных видов оружия и боеприпасов: *ружьё, саннапал, мушкет, рушница, саадак* ‘лук со стрелами’, *рогатина* ‘копье’, *зелье* ‘порох’, *ледунки* ‘заряд, патрон’ и др., наименований лиц, находящихся на военной службе: *пятидесятник, сотник, атаман, есаул, караульщик, пушкарь, десятник* и др. В большом количестве встречается лексика, связанная с хозяйственной деятельностью человека: названия построек и их частей: *изба, хоромы, житница, амбар, ворота, башни, предел храма, гумно, гуменники, клеть, подклет, миевик* ‘хозяйственная постройка, оконочечная мхом’ и др., средств передвижения: *подвода, каюк, струг, дощаник, шинья, коломенка* и др., лексика пушного промысла: *мягкая рухлядь* ‘мех, пушнина’ *недолис* ‘шкура молодой лисы’, *ярец* ‘шкурка годовалого бобра’, *медведно* ‘медвежья шкура’, *подчеревесь* ‘мех с брюшной части животного’ и др., метрологическая терминология: *четь, сажень, десятина, пуд* и др. Первостепенная роль человека во всех преобразованиях отражается в многочисленных наименованиях людей по социальной принадлежности, профессии, конкретному виду деятельности: *воевода, целовальник, казак, холоп, ясырь* ‘пленник’, *солевар* и др. Контакты с местным тюркоязычным населением определяют наличие целого пласта слов из тюркских языков: *ясак, улус, юрт, мурза, тайша* и др. В меньшей степени представлены слова предметно-бытовой лексики.

В ходе изучения лексики деловых документов было выявлено 30 разноплановых в тематическом отношении объединений слов, которые составляют три основных тематических раздела работы: «Государственно-административное и территориально-хозяйственное устройство Сибири в XVII в.», «Основные сферы деятельности жителей края» и «Наименования человека, отражающие его социальный и профессиональный статус в указанный период». Внутри ТГ выделяются более узкие объединения слов – ЛСГ. В работе проводится анализ 18-ти ЛСГ, обозначающих, например: «Органы государственного управления»; «Территориально-административные единицы», «Укрепленные поселения человека», «Различные виды вооружения, боеприпасы и средства защиты в бою», «Обрабатываемые участки земли», «Природные места, не пригодные для ведения земледелия» и др. При анализе ЛСГ определяется семантический объем слова, устанавливаются системные связи между ЛЕ на основе выявления комплекса интегральных и дифференциальных признаков их значений.

Например, самыми распространенными названиями поселений человека в памятниках деловой письменности XVII в. являются существительные *город* и *острог*. В ходе анализа текстов источника выяснено, что в значении названных ЛЕ отчетливо проявляется общий смы-

словой компонент ‘укрепленное поселение’. Лексема *острог* функционирует в текстах источника в двух лексико-семантических вариантах (ЛСВ) значения. Один из них позволяет характеризовать *острог* как вид укрепления: *острог* – это ‘часток из заостренных сверху бревен, плотно пригнанных друг к другу и вбитых в землю.’ Он наблюдается в следующих контекстах: «...и на Березове ставлен *острог* из старых *острожин*, которые подсеканы и отволачиваны в пожарное время, а кругом тово *острогу* по мере только 160 сажен...и *острог* поставлен мал и низок из ветчаного лесу, и в *остроге* теснота большая» /2, №414, с.491/¹. Другой ЛСВ сущ. *острог* ‘укрепленное поселение’ отмечается в примерах: «...в нынешнем де во 138-м году в мае ...пришла де земная вода и во многих местех *острог* и башни сломала и рознесла, и в *остроге* дворы потопило...и избы подмыло...»/2, №279, с.370/, «...и только де ныне достальной *острог* и хоромы от воды не устоять, а на другой де год жить будем в нем не уметь; крепости от воды не учинить и будет и многими людьми» /2, №279, с.370/. Выявить в структуре ЛЗ *острог* сему ‘укрепленное поселение’ помогает ее синтагматическое окружение, например, сочетание с гл. *жить*, а также наличие в контексте наименований объектов, находящихся внутри укрепленной территории: *дворы*, *избы*, *хоромы*. Слово *острог* послужило исходной базой для образования следующих производных единиц: *острожина*, *острожный*, *заострожный*, уменьш.-уничиж. сущ. *острожки*, *острошки*.

Со значением ‘вид укрепленного поселения’ в синонимические отношения со словом *острог* вступает ЛЕ *город*. Большинство сибирских городов возникли из укрепленных военных станов, которые внешне напоминали крепостную стену из заостренных сверху бревен – *острожин*, поэтому в некоторых деловых документах понятия *город* и *острог* четко разграничиваются: *город* – это ‘поселение’, а *острог* – ‘сооружение для защиты этого поселения’. Например: «А лес на *город* ронити лехкой, и чтобы вскоре *город* зделать, а сперва поставить *острог*» /1, №11, с.346/. Однако «...ведущей тенденцией в приказной практике XVII в. (проявившейся уже в 20-е гг.) было постепенное уравнивание понятий *город* и *острог* для обозначения городских поселений, противоположных по своим функциям *деревням* и *слободам*. Рассматриваемая тенденция порой выражалась в опускании самого термина-определителя *город* или *острог* после названия населенного пункта: Нарымской, Томской, Кетской и т.д.» [Резун Д.Я., 1979, с.173]. Наблюдается указанная особенность приказной практики и в текстах нашего источника – в границах одного документа находим пары: Тарский *город* – Тара, Томской *город* – Томской. Например: «Да ...писал из *Тарского города* воевода Кирила Вельяминов Воронцов, что послал он с *Тары* к нам к Москве колмацкого ж погрому 58-мь верблюдов...» /2, №142, с.249/ Подобные примеры встречаются и со словом *острог* – Туринский *острог* – Туринский: «А какие вести объявятца у вас на Тюмени, и вам бы в Туринской писать потому ж. Да послал я, господа, ис *Туринского острогу* на Тюмень верхотурских 3 отписки...» /2, №228, с.321/. Историки отмечают, что «...одним из культуроведческих признаков острогов как типа городского поселения считалось наличие административного и идеологического центра – церкви» [Резун Д.Я., 1979, с.173]. В памятниках находим контекстные доказательства этого положения: «...велел *острог* поставити пространной, и башни устроить добрые, чтоб впредь стоять был прочен. А *церковь* и воевоцкой двор и казенные анбары...велеть устроить в *остроге*, чтоб от всего было бережно...» /2, №280, с.371/.

В рассматриваемых документах выстраивается целый ряд ЛЕ, с которыми слово *город* находится в деривационных отношениях: *городок*, *городовой* (городовое место, городские стены, городские люди), *городище*, *городня*, *городьба*.

Итак, рассмотренный материал позволяет утверждать, что ПДП XVII в. являются ценным лексикологическим источником.

1. Характеристика 18 ЛСГ показала, что материал источника в целом отражает лексико-фразеологическую систему языка указанной эпохи, подтверждает ее структурную организацию. На признаки системности лексико-семантических объединений указывает то, что группы наименований проявляют родо-видовую иерархию (например, *оружье* – гипероним, *ружье*, *мушкет*, *пистоль*, *самопал* – гипонимы), образуют синонимические пары и ряды (*копье*

¹ В скобках указывается номер тома «Истории Сибири», номер приложения, страница.

– *рогатина*; *сенной покос* – *пожня* – *сенокос*), вступают в отношения противопоставленности (*государева пашня* – *собинная пашня*), выстраивают деривационные цепочки (*пахать* – *пашня*, *пахота*, *пашенный*; *выпахать* – *выпашь*; *распахать* – *роспашь*).

А) Синонимические отношения охватывают около 1/3 состава всех проанализированных ЛСГ. В 18 ЛСГ представлено 20 синонимических рядов и 23 синонимические пары слов. Среди них отмечаются: а) однокоренные синонимы и варианты: *крепость* – *крепи*; *усад* – *усадище* – *посад*; *городня* – *городьба*, *оружье* – *ружье* и др.; б) разнокорневые синонимы: *куяк* – *панцирь*; *саадак* – *порошница*, *город* – *острог* – *крепость*, *зыбель* – *ржавец* и др.; в) пары и ряды с участием словосочетаний: *починок* – *новоселитьбенная слобода*; *зелье* – *порох* – *свинец* – *наряд* – *пушечный запас* – *стрельчий запас*; *зелейный погреб* – *зелейная казна*; *вогненный наряд* – *вогненный бой* и др. Некоторые синонимические пары образуются из слова и словосочетания – сложного термина, в котором повторяется та же основа: *залог* – *заложная земля*; *десятина* – *десятинная пашня*. Б) Антонимические отношения и различные виды противопоставленности прослеживаются на примере 8-ми пар (рядов) слов или словосочетаний: *лучной бой* – *копейный бой* – *вогненный бой*. В) Омнимичные формы отмечаются у лексем: *кремль* ‘дубинка’ и *Кремль* ‘стена города’; *чертеж* ‘схема’ и *чертеж* ‘лесоучасток’. Многообразие выявленных в источнике парадигматических связей, в первую очередь синонимических, показательно для языка XVII в.: в словаре складывающегося национального языка происходит отбор наиболее подходящих наименований, что приводит к сосуществованию в системе языка нескольких обозначений одного и того же понятия (дублетности названий).

2. Наблюдение над семантическим объемом лексем в условиях их парадигматической взаимосвязи позволило выявить в структуре целого ряда единиц дополнительные оттенки значений (*плеть*, *кремль* – ‘вид орудия для нападения и защиты’; *крепость* – ‘острог, укрепленное поселение’; *украина* – ‘отдаленная от центральных территорий местность’ и др.), уточнить время фиксации в памятниках письменности слова *станция* (1-ая пол. XVII в., а не XVIII в.).

С точки зрения частеречной принадлежности словарный состав источника включает, хотя и в разном количественном соотношении, слова всех категориальных классов, существующих в современном русском языке, кроме междометия. Лексико-грамматическая классификация лексического материала памятников дается в приложении 3 работы и демонстрирует характерное для состава подобных документов преобладание имени над глагольными формами (60:40).

Предметом рассмотрения 2 главы является состав народно-разговорной лексики, запечатленной документами. Глава «**Памятники деловой письменности XVII в. как источник изучения лексики народно-разговорной речи**» состоит из 7-ми разделов. В начале главы содержатся исходные теоретические положения, связанные с определением понятия ‘народно-разговорная речь’ и принципами выявления разговорных для XVII в. единиц.

В понятие ‘народно-разговорное’ вслед за рядом ученых-лексикологов (Б.А. Ларин, Е.Н. Борисова, Л.А. Захарова, А.В. Кипчатова, Л.Г. Панин, Е.Н. Полякова, Г.В. Судаков и др.) мы включаем диалектные средства и наддиалектные элементы общерусского употребления из устной бытовой речи городского и сельского населения. Для выделения из источника слов народно-разговорного характера мы руководствовались методикой, выработанной представителями Томской диалектологической школы В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой и Г.Н. Стариковой [см. ст. Л.А. Захарова, 1989, 1998, 1990, 1994, 2001].

Отбор средств народно-разговорной лексики из состава ПДП XVII в. осуществлялся нами: 1) на основании показаний ряда исторических и современных словарей. В словарях обращалось внимание: а) на фиксацию или отсутствие фиксации самого слова, его формальных и семантических вариантов; б) на значение слова и его контекстное употребление; в) на наличие или отсутствие стилистических помет, указывающих на разговорный, просторечный или диалектный характер лексем; г) на ареальную характеристику ЛЕ; 2) на основании сопоставления материала источника с данными имеющихся лексикологических исследований о

структурных и семантических признаках народно-разговорных слов (работы Е.Н. Борисовой, А.Д. Васильева, В.Я. Дерягина, Л.А. Захаровой, А.В. Кипчатовой, О.С. Мжельской, Б.А. Ларина, Л.Г. Панина, В.В. Палагиной, Е.Н. Поляковой, В.Н. Роговой, Н.Е. Садыхлы, Г.В. Судакова, Г.А. Христосенко, В.И. Хитровой, Г.А. Якубайлик и др.).

В разделе работы 2.1. рассматривается группа народно-разговорных слов источника, выявленная по формально-грамматическим признакам. В нее вошли сущ. с суффиксами субъективной оценки: *женишко, кнутец, пупчонки, шубейка, рухлядишко, службишко* и др. (67 слов); глагольные лексемы многократного действия с суффиксами -ыва/-ива/-ва: *заставливать, имывать, лавливать, принашивать, угроживать* и др. (79 лексем); разговорные формы деепричастий: *блюдясь, ездячи, изгоняючи, пошотчи, убоясь* и др. (119); отглагольные бессуффиксальные сущ.: *вымет, изгоня, опас, подмог, пособь* и др. (34); отглагольные сущ. с суффиксом -к- (а): *вылазка, имка, оплошка, переставка, сбавка* и др. (25); приставочные и бесприставочные глаголы с суффиксом и без суффикса -ся : *завороваться, избесчестить, изъехать, переграбить, укинуть, позакабалить и корыстоваться, наймываться, приветываться, сжидаться, тружаться* и др. (136). Большая группа народно-разговорных слов источника, выявленная по формально-грамматическим признакам, предоставляет исследователям возможность проследить ряд явлений и процессов, характерных на этом этапе для развития лексической системы русского национального языка в целом, а именно: 1) изучить на примере форм субъективной оценки особенности функционирования эмоционально-экспрессивных средств в документах делового стиля разной жанровой принадлежности; 2) рассмотреть процессы формообразования деепричастий, их синтаксические и семантические функции в текстах делового стиля XVI – XVII вв.; 3) исследовать изменения в семантике глаголов с характерным набором аффиксов и др.

В разделе 2.2. рассматривается группа народно-разговорных слов источника, выявленная на основе показаний словарей XVIII – XX вв. и ряда лексикографических работ по материалам XVII в. В эту группу вошли ЛЕ деловых документов XVII в., имеющие в словарях XVIII – XX вв. стилистические пометы об их разговорном или просторечном характере. В первую очередь это единицы, отмеченные в Словаре Академии Российской (самом ближайшем во временном отношении к лексике языка рассматриваемого периода) пометами ‘просто’, ‘в обыкновенном языке употребления’, ‘в просторечии’, ‘простонародное’, а в словарях русского языка XVIII – XX вв. (ССРЛЯ, МАС, словари русского языка Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова) – пометами ‘разговорное’ или ‘просторечное’. Например: *житье* ‘проживание, место жительства’, *шкота* ‘вред, убыток, порча’, *подмога* ‘материальная помощь’, *поруха* ‘вред, разрушение’, *поворотиться* ‘возвратиться, вернуться’, *далече* ‘далеко’, *упомнить* ‘вспомнить, припомнить’, *тутошний* ‘здешний, местный’, *отпущать* ‘отпускать’ и др. Наличие у большинства слов данной группы формально-грамматических показателей (приставок, бессуффиксальных основ) подтверждает их народно-разговорный характер. Анализируемые ПДП XVII в. содержат материал, позволяющий проследить изменения семантического объема единиц этой группы, встречающихся в настоящее время в речи жителей Сибири, по сравнению с данными XVII в. Например, лексемы: *животина* ‘домашние животные, рогатый скот’, *сродство* ‘родня, родственники’, *одежа* ‘совокупность предметов, которыми покрывают, облакают тело’, *харч* ‘еда’ – на протяжении трех столетий сохранили ЛЗ без изменений. В семантике таких слов, как *лять, гадина, мошня*, напротив, прослеживаются процессы частичного или полного семантического преобразования. Так, слово мошня отмечается в «Словаре русского языка XI – XVII вв.» как многозначная лексема: 1) сумка или мешок для хранения денег, мелких ценных предметов; кошелек; 2) дорожная сума, котомка; 3) сумка для боеприпасов [СлРЯ XI – XVII вв., в.9, с.285]. В документах Г.Ф. Миллера *мошня* выступает в первом значении: «...сбежал с Верхотурья новокрещен Офоня Камаев и жил у отца своего на Тагиле в юртах до осени и ел кобылятину, а крест в *мошне* на поясу держал» /2, №42, с.184/. В настоящее время лексема *мошня* широко распространена на территории арх., новг., вят., перм., пск., твер., яросл., смол., орлов., прибалт. говоров и известна в значении ‘кожаный кошелек’, ‘сума для денег’ [СРНГ, в.18, с.324]. В 19 в. значение ‘кожаный коше-

лек' В.И. Даль отмечает у варианта *мошевня*, бытовавшего в псковских и тверских говорах [Даль, Т.2, ст. 926]. В современных говорах Сибири *мошня* утратила указанные значения. Нами зафиксирован единственный пример употребления этой лексемы в говорах Бурятии, где *мошня* обозначает кисет: «Баба мне сшила такую *мошню*, что на неделю табаку хватит» (Бурят.) [СРГС, Т.2, с.300]. Это же значение отмечается у варианта *мошна* в современных нерчинских говорах [СРНГ, в.18, с.324].

Разделы 2.3. – 2.5. посвящены изучению ПДП XVII в. как источника изучения диалектной лексики. Для обозначения территориально-ограниченной лексики нами используется термин локализм. Опираясь на работы таких исследователей, как Л.А. Захарова, В.В. Ильенко, А.В. Кипчатова, О.С. Мжельская, Л.Г. Панин, Г.В. Судаков, В.И. Хитрова, Г.А. Христосенко и др., при выделении диалектной лексики для языка XVI – XVII вв. мы учитывали следующее: 1) ограниченный ареал распространения слов, устанавливаемый по памятникам письменности, приуроченным к определенным территориям; 2) сохранение словом локального характера в последующие эпохи.

Особенностью представленных в источнике локализмов (выявлено **102** локально маркированные единицы) является их функционирование в сибирских диалектах XX в. Сопоставление локально маркированных единиц (ЛМЕ) источника с лексикой современных говоров Сибири приводит к выводу о большой устойчивости и жизненности диалектных лексем XVII в. Значительная часть ЛМЕ (28 из 102) не изменила своего семантического качества вплоть до настоящего времени: *затравиться, городьба, гвоздь, зимусь, зипун, драница, оброть, оцинжать, располиться* и др. Данную группу составили в основном однозначные для XVII в. лексемы, которые не претерпели семантических и формальных изменений на протяжении трех последующих столетий. В тематическом отношении эти слова различны: они являются как наименованиями предметов быта, орудий труда (*зипун, оброть* и др.), так и названиями различных процессов (*затравиться, орать, погинуть, располиться*). В современных региональных сибирских словарях многие слова подаются с пометой 'устар.' (*орать, облас, безмен* в знач. 'единица веса'), что означает постепенный переход этих лексем в пассивный состав языка. У небольшого количества ЛЕ (*ез, быстредь, стружок*) наблюдается конкретизация ЛЗ, происходящая за счет включения в его структуру различных уточняющих сем. Другую группу локализмов источника (самую многочисленную – 65) образуют единицы, бытующие в современных говорах Сибири с измененным значением: *буерак, батог, боровой, весновать, ветреница, выпашь, жнитво, займище, залог, зыбель, изголовь, каракуля, кладь, колок, кош, курево, наволок, осеновать, плотбище, поветь, подволока, пожня, поскотина, потрава, ржавец, сакма* и др. В современных говорах для семантики перечисленных лексем характерны процессы расширения структуры значения или появление новых значений на месте прежних, утраченных ранее. Например, как полисемантические единицы функционируют в сибирских говорах такие лексемы, как *поветь* (ср.: XVII в. – 1 знач.; XX в. – 9 знач.), *колок* (XVII в. – 1 знач.; XX в. – 6 знач.), *елань* (1 и 15 знач.). Ряд слов приобрел новые значения, которые развились на базе существовавших в XVII в.: *абыз, лесовать, днище* и др. Отмечается распад значений многозначного в прошлом слова и образование омонимичных им форм (*подволока*), а также появление омонимов у однозначных в XVII в. лексем (*лыжница*).

Репрезентированная в документах диалектная лексика является севернорусской в своей основе (*располиться, облас, шняка, батог, пешня* и др.). Однако в ее составе, хотя и в меньшем количестве, наблюдаются единицы, известные в говорах средней полосы европейской части России (*дощаник, дубрава, струг, орать* и др.) и в южнорусских говорах (*шлях, толочить* и др.). Наличие в источнике ЛМЕ, функционировавших на разных территориях русского государства, подтверждает выводы современной науки о полидиалектном характере основы старожильческих говоров Сибири как говоров вторичного образования.

Источник содержит ценный материал для изучения сибиризмов – единиц, распространенных в XVII в. только на территории Сибири. Семантика сибиризмов отражает особенности материальной жизни и духовной культуры первых поселенцев края, позволяет получить

представление об их основных занятиях и процессе постепенного приспособления к сибирской природной среде. Поэтому в тематическом плане среди сибиризмов много слов, относящихся к лексике охотничьего промысла: *бобровать*, *зверовать*, *черевесь*, *елбарс*. Особенности сибирского ландшафта и географической среды передаются в источнике семантикой таких номинативных единиц, как *черный лес*, *чернь* в знач. 'густой, непроходимый хвойный или лиственный лес', *захребетье* 'место, пространство, расположенное за горным хребтом', *переуль морская* 'залив, пролив', *ялань*, *елань* 'полевая или луговая равнина'. Примеры источника и данные современных говоров Сибири позволяют проследить судьбу сибиризмов в последующие эпохи. Современные сибирские говоры утратили такие слова, как *бобровать*, *захребетье*, *тайша*, *контайша*, *землица*, словосочетания *переуль морская*, *горячее вино*. До сих пор в речи жителей Сибири используются такие номинативные единицы, как *большая вода*, *затравиться*, *лыжница*, *заимка*, *зверовать*, *ялань*, *чернолес*.

Далее в главе ПДП XVII в. анализируются как источник изучения этнографизмов и историзмов. Заселение территории Сибири происходило в условиях тесного контактирования русских людей с коренным населением края: киргизами, татарами, калмыками, эвенками, тунгусами и др. Постоянство контактов обусловило интенсивные процессы языковой интерференции, что привело к распространению в лексической системе русского языка тюрко-монгольских заимствований. Наличие большой группы этнографизмов и историзмов, отражающих специфику сибирской жизни, быта XVII в., – одно из достоинств языка памятников деловой письменности как лингвистического источника. К числу обозначенной лексики относятся, например, такие слова, как *ясак* 'налог, подать', *шерть* 'присяга, клятва', *толмач* 'переводчик', *юрт* 'стойбище, татарское поселение', *новокрещен* 'тот, кто недавно принял христианство', *аманат* 'заложник', *мурза*, *тайша*, *контайша*, *князец*, *князек*, *табун* – 'наименование различных должностных лиц у местных народов Сибири' и др. Большое количество словообразовательных дериватов, отмеченных в текстах источника (*шертовать*, *толмачить*, *по-азямски*, *мунгальский* и др.) свидетельствует о высокой степени освоенности заимствований русским сибирским населением в тот период.

ПДП XVII в. содержат ценный материал для проведения наблюдений за семантикой утраченных современным русским языком ЛЕ. Несмотря на достаточную лексикографическую разработанность документов Г.Ф. Миллера, в ходе нашего исследования выявились ЛЕ, не зафиксированные историческими словарями: *баловщина*, *тренка*, *бардачники*. Возможная семантизация этих слов представлена в разделе 2.5. диссертации. Учитывая, что словарный фонд старорусского языка остается еще до конца не выявленным, памятники сибирской письменности являются уникальным источником для его пополнения.

В разделе 2.6. ПДП XVII в. рассматриваются как источник изучения путей и средств формирования отдельных терминологических систем русского языка. На примере ЛСГ 'Наименования шкурок животных' выявляется ряд характерных особенностей в развитии подобных семантических объединений: 1) основу групп составляют общерусские лексемы: *соболь*, *лисица*, *бобр*, *белка*; 2) в качестве родовых наименований выступают в основном общеупотребительные слова, а диалектные единицы используются как видовые уточняющие (гипероним *рухлядь*, *мягкая рухлядь* и гипонимы: *черевесь*, *елбарс*, *подчеревесь*); 3) пополнение состава группы происходило за счет лексических новообразований словообразовательного типа (*черевесь*, *подчеревесь*, *медведно*, *недособоль*), исходной базой которых служили слова из 'материнских' говоров (*черевея* – север.), а также общенародные единицы (*соболь*, *лисица*, *медведь*); 4) в системах могла возникать конкуренция ЛЕ с одинаковыми значениями, которая приводила в дальнейшем к утверждению одних и исчезновению других (*кошлок* и *ярец*).

Заключительный раздел 2 главы посвящен рассмотрению ПДП XVII в. в качестве источника изучения вариативности народно-разговорных единиц. В нем приводятся примеры различных видов вариантов, представленных в документах: *полоняники* – *полоненики*, *настрофильный* – *настрфильный*, *самоеда* – *самоядь*, *анбар* – *амбар*, *тогда* – *тогда*; *шертовальная* – *шертованная запись*, *отсада* – *осада*, *протрава* – *истрава*, *зимний* – *зимный*, *службишка* – ж.р. и *службишко* – с.р.; ЛСВ (*киргизы*, *тунгусы* как наименование народностей, живу-

щих на территории Сибири, и их ЛСВ *Киргизы и Тунгузы*, обозначающие ‘территорию, место, где проживают киргизы и тунгусы’; *шайтан* ‘нечистая сила, злой дух’ и его ЛСВ *шайтан* – ‘тотем у некоторых народов Сибири’ и др.).

В заключении подводятся основные итоги исследования, делается вывод о том, что ПДП XVII в. можно считать достоверным, надежным и высоко информативным источником изучения исторической лексикологии. Рассматриваемые документы делового письма заслуживают дальнейшего, более углубленного изучения. Языковые факты источника могут составить материальную базу для решения ряда актуальных теоретических вопросов истории русского языка, а также практических исследований в таких отраслях языкознания, как диалектология, стилистика, грамматика, лексикография. В работе указываются конкретные направления и перспективы использования материалов документов. Итак, памятники деловой письменности XVII в., собранные Г.Ф. Миллером в «Истории Сибири», – уникальный и богатый источник лингвистической и историко-культурологической информации, необходимый при изучении русского национального языка в период его начального формирования. Изучение русского языка XVII в. по материалам старорусских памятников письменности важно для понимания его современного состояния.

Перечень опубликованных по теме диссертации работ

1. Старыгина Г.М. «История Сибири» Г.Ф. Миллера как лингвистический источник // Вестник Амурского государственного университета. Серия гуманитарные науки. Вып. 14. – Благовещенск: АмГУ, 2001. – С. 44 – 46.
2. Старыгина Г.М. «История Сибири» Г.Ф. Миллера как источник изучения сибирской антропонимии XVII века // Вестник Амурского государственного университета. Серия гуманитарные науки. Вып. 18. – Благовещенск: АмГУ, 2002. – С. 83 – 85.
3. Старыгина Г.М. «История Сибири» Г.Ф. Миллера как источник изучения жизни в Сибирском крае XVII века // Духовно-исторические чтения. Материалы межвузовской научно-практической конференции (26 апреля 2002 г.). Вып. VII. – Красноярск: КрасГАСА, 2002 – С. 443 – 449.
4. Старыгина Г.М. Лексико-семантический анализ имени существительного в памятниках деловой письменности XVII века (на материале «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера) // Материалы XI Международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание. – Новосибирск: НГУ, 2002. – С. 100 – 101.
5. Старыгина Г.М. Антропонимы как источник информации о мире (на материале «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера) // Картина мира: модели, методы, концепты. Материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука» (1 – 3 ноября 2001 г.). – Томск, 2002. – С. 248 – 252.
6. Старыгина Г.М. Лингвоисточниковедческий аспект изучения памятников деловой письменности XVII века (на материале «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера) // Проблемы лингвистического краеведения: Материалы межвузовской научно-практической конференции (14 – 16 ноября 2002 г.). – Пермь: Пермский гос.пед.ун-т, 2002. – С. 168 – 175.
7. Старыгина Г.М. Методика смысловой интерпретации слова в историческом тексте // Диалог с текстом: проблемы обучения смысловой интерпретации: Материалы V регионального научно-практического семинара (25 апреля 2002 г.). – Томск: Изд-во Томского гос.пед.ун-та, 2002. – С. 94 – 98.
8. Старыгина Г.М. Наименования укрепленных поселений человека в памятниках деловой письменности XVII века // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы II Международной научно-практической конференции (22 – 24 сентября 2004 г.). В 2 т. – Бийск: Ниц БПГУ им. В.М. Шукшина, 2004. Т.2. – С. 99 – 104.
9. Старыгина Г.М. Прием сопоставительной экспертизы как один из этапов лингвоисточниковедческого анализа (на материале «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера) // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. – Вып. 5. – Ч.2: Лингвистика. – Томск: ТГУ, 2004. – С. 126 – 130.